Соционические типы и интертипные отношения романа Чернышевского “Что делать”

В статье представлена гипотеза о соционических типах героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Проанализированы интертипные отношения между героями романа.

« Что скажет о тебе далекий правнук твой,

то славя прошлое, то запросто ругая?

Что жизнь твоя была ужасна? Что другая

могла бы счастьем быть? Что ты не ждал другой?

Что подвиг твой не зря свершался, — труд сухой

в поэзию добра попутно обращая

и белое чело кандальника венчая

одной воздушною и замкнутой чертой?»

Эти стихи неизвестного поэта Владимир Набоков привел в главе романа «Дар», посвященной Н. Г. Чернышевскому. Сказать, что Набоков **не был** поклонником Чернышевского, — это значит ничего не сказать. Думаю, что именно благодаря его влиянию одни считают Чернышевского не очень умным человеком, а другие — и вовсе ничтожеством.

Но даже Набоков не мог не отметить в своем романе непостижимого влияния произведений Чернышевского на умы тогдашней читающей публики:

«Цензура разрешила печатание его в “Современнике”, рассчитывая на то, что вещь, представляющая собой “нечто в высшей степени антихудожественное”, наверное, уронит авторитет Чернышевского, что его просто высмеют за нее ».

«Но никто не смеялся. Даже русские писатели не смеялись. Даже Герцен, находя, что “гнусно написано”, тотчас оговаривался: “с другой стороны, много хорошего, здорового” ».

*«Вместо ожидаемых насмешек вокруг “Что делать?” сразу создалась атмосфера всеобщего благочестивого поклонения. Его читали, как читают **богослужebные** книги, — и ни одна вещь Тургенева или Толстого не произвела такого могучего впечатления.*

Гениальный

русский читатель понял то доброе, что тщетно хотел выразить

бездарный

беллетрист

» (выделено мной — И. Б.).

Интересно, а как у бездарного писателя мог появиться гениальный читатель? И я не согласна с Набоковым. С моей точки зрения, все персонажи Чернышевского, включая второстепенных, очень хорошо описаны и вполне поддаются соционическому анализу.

У Чернышевского была вполне определенная цель: помочь людям быть счастливыми:

«Известно, как в прежние времена оканчивались подобные положения: отличная девушка в гадком семействе; насильно навязываемый жених пошлый человек, который ей не нравится, который сам по себе был дрянноватым человеком, и становился бы чем дальше, тем дряннее, но, насильно держась подле нее, подчиняется ей и понемногу становится похож на человека так себе, не хорошего, но и не дурного... »

«Но теперь чаще и чаще стали другие случаи: порядочные люди стали встречаться между собою. Да и как же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочных людей растет с каждым новым годом? А со временем это будет самым обыкновенным случаем, а еще со временем и не будет бывать других случаев, потому что все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо ».

В наше время понятно, что мало быть порядочными, надо еще и уметь общаться. Для того и существует соционика, чтобы помочь людям это делать. Тем интереснее проследить, как Чернышевский за сто с лишним лет до появления соционики интуитивно применял ее законы на практике. Именно это и будет целью моей статьи.

Замужество Веры Павловны

Мать Веры Павловны, Мария Алексеевна, на мой взгляд, принадлежала к соционическому типу FL (СЛЭ). Она энергично вела свои дела и фактически была главой семьи. Ее муж (по-видимому, TE (ИЭИ)) благодаря своей жене стал управляющим большого дома на Гороховой улице и с тех пор был у нее под каблуком. Мария Алексеевна воспитывала дочь традиционно: делай так, как все, и нечего умничать. Это говорит о слабой *интуиции возможностей* (I). Она не видела в дочери ни красоты, ни способностей, пока их не увидели другие. После этого она перестала называть ее «чучелом» и «цыганкой» и стала ее наряжать.

В результате, на Веру Павловну обратил внимание сын хозяйки дома, светский бездельник по имени Михаил Сторешников (по-видимому, TE (ИЭИ)). Мария Алексеевна сразу же решила, что у нее появился шанс разбогатеть и войти в высший свет, и пошла к цели напролом:

«— Маменька, вы ошибаетесь. Он вовсе не думает делать предложения. Маменька! Что они говорили!»

— Знаю: коли не о свадьбе, так известно о чем. Да не на таковских напал. Мы его в бараний рог согнем. В мешке в церковь привезу, за виски вокруг наляю обведу, да еще рад будет. Ну, да нечего с тобой много говорить, и так лишнее наговорила: девушкам не следует этого знать, это материно дело. А девушка должна слушаться, она еще ничего не понимает. Так будешь с ним говорить, как я тебе велю?

— Да, буду с ним говорить.

— А вы, Павел Константиныч, что сидите, как пень? Скажите и вы от себя, что и вы как отец ей приказываете слушаться матери, что мать не станет учить ее дурному.

— Марья Алексевна, ты умная женщина, только дело-то опасное: не слишком ли круто хочешь вести!

— Дурак! Вот брякнул, — при Верочке-то! Не рада, что и расшевелила! Правду пословица говорит: не тронь дерма, не воняет! Эко бухнул! Ты не рассуждай, а скажи: должна дочь слушаться матери?

— Конечно, должна; что говорить, Марья Алексевна!

— Ну, так и приказывай как отец.

— Верочка, слушайся во всем матери. Твоя мать умная женщина, опытная женщина. Она не станет тебя учить дурному. Я тебе как отец приказываю».

Из-за слабой этики отношений (R) Мария Алексеевна не разглядела реальной опасности. А опасность была нешуточной. Хозяйкин сын уже растрепал всему свету, что Вера Павловна его любовница, но это еще полбеды. На нее обратил внимание приятель

Сторешникова — некто Жан Соловцов (по моим предположениям, LF (ЛСИ)). Он решил, что такая красавица и ему пригодится, и начал действовать с дальним прицелом. Он заявил Сторешникову, что не верит, будто у него связь с Верой Павловной, и потребовал доказательств:

«— Какие же доказательства я могу тебе представить?»

— Ну, вот и пятишься, и уличаешь себя, что врешь. Какие доказательства? Будто трудно найти? Да вот тебе: завтра мы собираемся ужинать опять здесь. M-lle Жюли будет так добра, что привезет Сержа, я привезу свою миленькую Бертю, ты привезешь ее. Если привезешь — я проиграл, ужин на мой счет; не привезешь — изгоняешься со стыдом из нашего круга! — Жан дернул сонетку; вошел слуга. — Simon, будьте так добры: завтра ужин на шесть персон, точно такой, как был, когда я венчался у вас с Бертою, — помните, пред рождеством? — и в той же комнате.

— Как не помнить такого ужина, мсье! Будет исполнено».

Все это могло очень плохо кончиться. Если бы Сторешникову удалось под каким-нибудь предлогом заманить Веру Павловну в ресторан и она посидела бы в этой компании хотя бы пять минут, то при тогдашних нравах это означало бы, ей дорога только в проститутки, как бы они в то время ни назывались: «камелии», «авантюристки» и т. д. А с матерью расплатились бы деньгами, ей бы ничего уже не оставалось делать.

Но все завершилось благополучно, потому что и у Веры Павловны, и у матери был характер. К тому же это дело было настолько гнусным, что возмутилась женщина, которая была свидетельницей этого разговора. Это была француженка по имени Жюли (по моим предположениям, FR (СЭЭ)). В Париже она была уличной женщиной, а в Петербурге стала содержанкой богатого человека и вошла в высший свет.

Она сразу же пришла на помощь Вере Павловне: предупредила ее о пари, расстроила ужин в ресторане, а главное, убедила Сторешникова, что Вера Павловна была бы ему прекрасной женой, если бы (она подчеркнула, что это маловероятно!) согласилась выйти за него замуж.

Таким образом, опасность для Веры Павловны миновала, и она даже не заметила того негодяя, который чуть ее не погубил. Но впоследствии он встретился на пути другой героини романа, и там дело приняло гораздо более серьезный оборот.

А пока вернемся к Вере Павловне и Жюли. Я типировала Веру Павловну как LI (ЛИИ), следовательно, у них отношения *конфликта*, и в данном случае эти отношения очень плодотворны. В книге Е. А. Удаловой «Уроки соционики-2, или Секреты наших отношений» [2] есть такая мысль: « *Если конфликтеры в силу обстоятельств объединены общей задачей, они должны действовать не вместе, а пропуская друг друга по очереди, по мере возникновения соответствующих сюжетов* ».

Жюли попыталась убедить Веру Павловну, что замужество — это самый лучший выход для нее: « *Вы избавитесь от преследований матери, вам грозит опасность быть проданной, он не зол, а только недалек, недалекий и незлой муж лучше всякого другого для умной женщины с характером, вы будете госпожой в доме* ». Она в ярких красках описывала положение актрис, танцовщиц, которые не подчиняются мужчинам в любви, а господствуют над ними: « *Это самое лучшее положение в свете для женщины, кроме того положения, когда к такой же независимости и власти еще присоединяется со стороны общества формальное признание законности такого положения, то есть, когда муж относится к жене как поклонник актрисы к актрисе* ».

Известно, что *этики* любят наводить порядок в *логике*, а *логики* — в *этике*. У Веры Павловны нашелся такой же убедительный ответ: « *Вы называете меня фантазеркою, спрашиваете, чего же я хочу от жизни? Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, я не хочу смотреть на мнение других, добиваться того, что рекомендуют мне другие, когда мне самой этого не нужно. ... Я хочу делать только то, чего буду хотеть, и пусть другие делают так же; я не хочу ни от кого требовать ничего, я хочу не стеснять ничьей свободы и сама хочу быть свободна* ».

Такие слова не могли оставить Жюли равнодушной. Как же! Она ведь родилась в свободной Франции, не то, что русские рабы. Впоследствии женщины подружились, и когда Вера Павловна организовала свою мастерскую, Жюли рекомендовала ее своим

знакомым.

Но пока Вера Павловна оставалась жить в родительском доме. Если бы не Лопухов, она вышла бы замуж за богатого жениха, владельца дома на Гороховой улице. Вошла бы в высший свет и стала бы, говоря словами Чернышевского, «коптить небо».

Да уж, нам трудно их понять. Предложил бы кто-нибудь нынешней девушке такой вариант замужества! И безо всяких интриг, «уроков для начинающей стервы» и т. п. Счастье само идет в руки, а она недовольна. Сама не знает, чего ей надо!

Но вот на ее пути встретился человек, который ей это объяснил. По моим предположениям, Лопухов и Вера Павловна оба LI (ЛИИ), а тождик — лучший учитель:

«— У меня есть богатый жених. Он мне не нравится. Должна ли я принять его предложение?»

— Рассчитывайте, что для вас полезнее.

— Что для меня полезнее! Вы знаете, я очень небогата. С одной стороны, нерасположение к человеку; с другой — господство над ним, завидное положение в обществе, деньги, толпа поклонников.

— Взвесьте все; что полезнее для вас, то и выбирайте.

— И если я выберу — богатство мужа и толпу поклонников?

— Я скажу, что вы выбрали то, что вам казалось сообразнее с вашим интересом.

— И что надобно будет сказать обо мне?

— Если вы поступили хладнокровно, рассудительно обдумав, то надобно будет сказать, что вы поступили обдуманно и, вероятно, не будете жалеть о том.

— Но будет мой выбор заслуживать порицания?

— Люди, говорящие разные пустяки, могут говорить о нем, как им угодно; люди, имеющие правильный взгляд на жизнь, скажут, что вы поступили так, как следовало вам поступить; если вы так сделали, значит, такова была ваша личность, что нельзя вам было поступить иначе при таких обстоятельствах, они скажут, что вы поступили по необходимости вещей, что, собственно говоря, вам и не было другого выбора.

— И никакого порицания моему поступку?

— Кто имеет право порицать выводы из факта, когда существует факт? Ваша личность в данной обстановке — факт; ваши поступки — необходимые выводы из этого факта, делаемые природою вещей. Вы за них не отвечаете, а порицать их — глупо.

— Однако вы не отступаете от своей теории. Так я не заслужу ваше порицание, если приму предложение моего жениха?

— Я был бы глуп, если бы стал порицать.

— Итак, разрешение, — быть может, даже одобрение, — быть может, даже прямой совет поступить так, как я говорю?

— *Совет всегда один: рассчитывайте, что для вас полезно; как скоро вы следуете этому совету — одобрение».*

Неужели тут нечему учиться нашей молодежи? Книги типа «Сам себе психолог» издаются миллионными тиражами, а о романе «Что делать?» словно все забыли. Может быть, хотя бы соционика поможет о нем вспомнить? Надеюсь, что так и будет.

Вера Павловна вышла замуж за Лопухова, и они поселились на Васильевском острове у старика и старухи, которые удивлялись образу жизни молодых:

«— И как это, Петровна, чтобы муж к жене войти не мог: значит, не одета, нельзя. Это на что похоже?»

— А ты-то лучше скажи, как они вечером-то расходятся. Говорит: “Прощай, миленький, спокойной ночи!” Разойдутся, оба по своим комнатам сидят, книжки читают, он тоже пишет. Ты слушай, что раз было. Легла она спать, лежит, читает книжку; только слышу через перегородку-то, — на меня тоже что-то сна не было, — слышу, встает. Только, что же ты думаешь? Слышу, перед зеркалом стала, значит, волосы пригладить. Ну, вот как есть, точно к гостям выйти собирается. Слышу, пошла. Ну, и я в коридор вышла, стала на стул, гляжу в его-то комнату через стекло. Слышу, подошла. — “Можно войти, миленький?” А он: “Сейчас, Верочка, минуточку погоди”. — Лежал тоже. Платишко натянул, пальто: ну, думаю, галстук подвязывать станет: нет, галстука не подвязал, оправился, говорит: “Теперь можно, Верочка”. “Я, говорит, вот в этой книжке не понимаю, ты растолкуй”. Он сказал. “Ну, говорит, извини, миленький, что я тебя побеспокоила”. А он говорит: “Ничего, Верочка, я так лежал, ты не помешала”. Ну, она и ушла».

Действительно, все это было очень странно. Однако следует помнить, что Вере Павловне надо было отдохнуть от тяжелой обстановки родительского дома, где ей бесцеремонно лезли в душу. К тому же и она, и Лопухов принадлежали к тому соционическому типу, который более других дорожит своей независимостью.

Тем не менее, когда она отдохнула, такие отношения стали ее тяготить. А потом она увидела сон, из которого поняла, что больше не любит своего мужа.

Луначарский сравнивал третий сон Веры Павловны с работами Зигмунда Фрейда. Но дело в том, что Фрейд родился 6 мая 1856 года, а Лопухов инсценировал свое самоубийство 11 июля того же 1856 года. Так что правильнее работы Фрейда о сновидениях сравнивать с романом Чернышевского.

С точки зрения соционики тут все ясно: Вера Павловна интуитивно почувствовала, что ей нужна поддержка *дуала*.

Замужество Катерины Васильевны

Это было за год до того, как Кирсанов стал мужем Веры Павловны. Несмотря на свою молодость, он был уже профессором, и его труды были известны в Европе. Поэтому его часто приглашали на медицинские консилиумы, тем более, что он не имел привычки отбивать практику у своих коллег.

Однажды его позвали к миллионеру Полозову, единственная дочь которого была опасно больна. Никто не понимал, в чем причина ее болезни. Ей задавали вопросы, она отвечала с готовностью и очень спокойно. Когда спросили мнения Кирсанова, он ответил, что хотел бы исследовать больную подробнее.

Оставшись наедине с больной, он сам начал ей рассказывать, в чем причина ее болезни. Он предположил, что ее болезнь идет от несчастной любви, и признался, что тоже любит одну женщину, не рассчитывая на взаимность. Это указывает на то, что *эти ка эмоций*

(E) была его *программной*

функцией. Он сразу же предупредил ее, что ничего не будет делать против ее воли. В этом сказалась его

волевая сенсорика

(F), которая была у него

эталонной

функцией, т. е. он ею владел, но применял по необходимости. По-видимому, он принадлежал к соционическому типу ES (ЭСЭ).

Далее он предположил, что если бы дело было в бедности этого человека, то она не

Автор: admin
03.10.2010 22:00 -

побоялась бы говорить о нем со своим отцом. Вероятно, ее отец считает этого человека очень дурным. По ее лицу он догадался, что попал в точку.

Кирсанов понял, что ему необходимо поговорить с ее отцом, но она была уверена, что это бесполезно. Пришлось долго ее уговаривать, чтобы она назвала имя любимого человека и позволила Кирсанову поговорить о нем с Полозовым. Другой бы не стал добиваться ее согласия, но у Кирсанова было твердое правило: *«против воли человека не следует делать ничего для него; свобода выше всего, даже и жизни»*.

Он предупредил ее, что если отец не уступит, то ей надо быть готовой к тому, что придется принять яд. Он так сказал потому, что дело было крайне серьезно. Она была в одном шаге от чахотки, а в ее возрасте эта болезнь развилась бы очень быстро. Катя спокойно ответила, что готова ко всему.

С отцом оказалось еще труднее, чем с дочерью. По-видимому, соционический тип Полозова — FL (СЛЭ), следовательно, он был *заказчиком* по отношению к Кирсанову. В то время его инверсные сверхценности уже преобладали над основными. Его проблема заключалась в том, что он слишком поздно разбогател и у него не было связей в высшем свете. Вместо этого в его доме появилось много прихлебателей, стремившихся пожить за его счет и поухаживать за его дочерью. Таким образом, авторитет Полозова держался только на его деньгах и в любой момент мог быть отобран самым ловким и нахальным из претендентов на руку Катерины Васильевны.

И вот появился настоящий светский человек, который, естественно, заинтересовал его дочь. Это и был тот самый Жан Соловцов, который когда-то навязал пари Михаилу Сторешникову. По моим предположениям, он был LF (ЛСИ) по соционическому типу. Будучи *сенсориком*, он хорошо разбирался в женской красоте, а будучи *структурным логиком*,
детально разработал план женитьбы на богатой наследнице.

Отец сразу же предупредил Катю, что этот человек ему не нравится. Она была послушной дочерью и еще не успела увлечься Соловцовым по-настоящему, так что все могло кончиться благополучно. Но Полозов совершил промах: он как-то нагрубил Соловцову за столом, а тому этого оказалось достаточно. Он сразу решил, что надо сыграть роль жертвы, и заявил, что после таких оскорблений не может более бывать в

Автор: admin
03.10.2010 22:00 -

доме Полозова. Он стал тайком посылать Екатерине письма, в которых ничего не просил, а только писал, что жертвует для нее своим счастьем и т. д. Постепенно эти письма подействовали.

Катя становилась печальной, и, наконец, серьезно заболела, но отец и подумать не мог, что все дело в этом молодом человеке. Полозов был крайне удивлен, когда услышал его имя от Кирсанова, но продолжал утверждать, что ее любовь — это фантазия ребенка, который помучается и забудет. Кирсанов пытался ему объяснить, что он может ее потерять. На это Полозов сказал: *«Умрет, так умрет, — пусть умирает: это лучше, чем чтобы была несчастна. И для меня легче, и для нее легче!»*.

Разумеется, это не говорит о его жестокости. Просто он не принимал Кирсанова всерьез: *«Я постарше тебя и поопытней, да и нет никого на свете умнее меня; а тебя, молокосос и голыш, мне и подавно не приходится слушать, когда я своим умом нажил 2 миллиона (точно, в сущности, было только 2, а не 4) — наживи-ка ты, тогда и говори»*.

Не следует забывать, что с точки зрения соционики между ними были отношения заказа .

Кирсанов заявил, что он будет действовать по-своему, и созвал консилиум. Поскольку он один понимал, в чем причина болезни Кати, то мог говорить все, что ему было угодно. В итоге консилиум пришел к выводу, что *«по человеколюбию, следует прекратить страдания больной приемом морфия, от которого она уж не проснулась бы»*.

Когда отец это услышал, то закричал: *«Она умирает от моего упрямства! Я на все согласен !»* — и вышел из комнаты.

Имел ли Кирсанов право так поступать? Вот мнение Чернышевского:

«Конечно, в других таких случаях Кирсанов и не подумал бы прибегать к подобному риску. Гораздо проще: увезти девушку из дому, и пусть она венчается, с кем хочет. Но тут дело запутывалось понятиями девушки и свойствами человека, которого она любила. При своих понятиях о неразрывности жены с мужем она стала бы держаться за дрянного человека, когда бы уж и увидела, что жизнь с ним — мучение. Соединить ее с ним — хуже, чем убить. Потому и оставалось одно средство — убить или дать возможность образумиться ».

По-моему, он был прав. Теоретически можно рассуждать как угодно, но никто кроме Кирсанова не мог бы ей помочь. Он спас ей жизнь, и она это оценила.

Оставалось раскрыть ей глаза на характер жениха. К счастью, Катерина Васильевна принадлежала к тому же типу, что и Кирсанов, то есть к типу ES (ЭСЭ), и он нашел к ней правильный подход. Он не пытался ее переубедить, но сделал так, чтобы она сама убедилась, зная, что иначе ее захлестнут эмоции:

«Катерина Васильевна встретила Кирсанова с восторгом, но удивленными глазами посмотрела на него, когда он сказал, зачем приехал.

— Вы спасли мне жизнь, — и вам нужно мое разрешение, чтобы бывать у нас!

— Но мое посещение при нем могло бы вам показаться попыткой вмешательства в ваши отношения без вашего согласия. Вы знаете мое правило: не делать ничего без воли человека, в пользу которого я хотел бы действовать».

Он ни слова не сказал о том, нравится ему Соловцов или нет, но этого было достаточно, чтобы возбудить ее любопытство. Она понимала, что он не станет скрывать, если ее жених ему понравился. Она стала внимательно к нему присматриваться:

«“В нем все хорошо; Кирсанов несправедлив; но почему ж я не могу заметить, что в нем не нравится Кирсанову?” Она досадовала на свое неумение наблюдать, думала: “Неужели ж я так проста?” В ней было возбуждено самолюбие в направлении, самом

опасном жениху ».

Наконец, она решила, что надо отложить свадьбу, чтобы проверить свои чувства. И тут жених не выдержал. У него сдали нервы, и он стал попрекать ее тем, что она слишком много воли дает отцу. Такая реакция подтверждает, что Жан Соловцов был LF (ЛСИ). Ему не хватило интуиции и терпения. Когда Катерина Васильевна сказала ему в раздражении, что он считает ее игрушкой в руках других, он сразу же поддался на провокацию, так как рассчитывал, что она будет игрушкой только в его собственных руках:

«— Вы, кажется, считаете меня игрушкой в руках других?»

— Да, — сказал он в раздражении.

— Я готовилась умереть, не думая об отце, и вы не понимаете этого! С этой минуты все кончено между нами, — сказала она и быстро ушла из комнаты».

Когда ее отец разорился, она скорее обрадовалась, чем огорчилась. Во-первых, разорение было таким, что позволяло ее отцу иметь хорошего повара, а во-вторых, их дом покинула пошлая и грубая толпа и появилась надежда на счастье: *«Теперь если в ком я найду привязанность, то будет привязанность ко мне, а не к миллионам моего отца».*

И вот в их доме появился американец Чарльз Бьюмонт, которому Полозов продал акции своего стеаринового завода. Американец говорил по-русски не хуже Катерины Васильевны, объясняя это тем, что провел детство в России и попал в Америку уже взрослым человеком. Они разговорились. Узнав, что она занимается благотворительностью и учит детей, Чарльз Бьюмонт упомянул швейную мастерскую, основанную Верой Павловной Кирсановой. Катерина Васильевна догадалась, что муж Веры Павловны — это и есть тот доктор, который ее спас. Разумеется, они сошлись с Верой Павловной безо всяких писем и рекомендаций. Энтузиазм и даже горячность, с которой Екатерина Васильевна взялась за создание мастерской, — это проявление ее *программной функции* —

Автор: admin
03.10.2010 22:00 -

этики эмоций

(E), а то удовольствие, с которым она описывает мастерскую Веры Павловны, говорит, что ее

творческая

функция — это

сенсорика ощущений

(S).

Тем, кто читал роман, не надо объяснять, что Чарльз Бьюмонт — это Лопухов, который инсценировал свою гибель и эмигрировал в Америку, чтобы не мешать счастью Веры Павловны и Кирсанова. А теперь он и сам встретил своего *дуала*.

Попробую подвести предварительный итог. Лопухов учил Веру Павловну как *логик*

логика

, а

Кирсанов учил Катерину Васильевну как

этик этика

. Впоследствии Вера Павловна вышла замуж за Кирсанова, а Катерина Васильевна — за Лопухова, ставшего к тому времени Чарльзом Бьюмонтом, и получились две

дуальные

пары.

К этому следует добавить, что Вера Павловна была *дуалом* Катерины Васильевны, а Лопухов — *дуалом*

Кирсанова. Если бы кто-то из социоников задался целью создать модель идеальных отношений между двумя семейными парами, он не мог бы придумать ничего лучше.

Неудивительно, что молодежь того времени сразу поняла «делать жизнь с кого».

Особенные люди

Было бы странно, если бы автор, сидя в Петропавловской крепости, написал идиллию. Среди гостей Веры Павловны появилась «дама в трауре». Читатели догадывались, что в образе этой дамы автор изобразил свою жену, и причина ее мучительной тоски — судьба самого Чернышевского. А в конце происходит «перемена декораций»:

«— *В Пассаж!* — сказала дама в трауре, только теперь она была уже не в трауре: яркое розовое платье, розовая шляпа, белая мантилья, в руке букет. Ехала она не одна с Мосоловым; Мосолов с Никитиным сидели на передней лавочке коляски, на козлах

торчал еще третий юноша; а рядом с дамою сидел мужчина лет тридцати. Сколько лет было даме? Неужели 25, как она говорила, а не 20? Но это дело ее совести, если прибавляет.

— Да, мой милый, я два года ждала этого дня, больше двух лет; в то время, как познакомилась вот с ним (она указала глазами на Никитина), я еще только предчувствовала, но нельзя сказать, чтоб ждала; тогда была еще только надежда, но скоро явилась и уверенность.

— Позвольте, позвольте! — говорит читатель, — и не один проницательный, а всякий читатель, приходя в остолбенение по мере того как соображает, — с лишком через два года после того, как познакомилась с Никитиным?

— Так, — отвечаю я.

— Да ведь она познакомилась с Никитиным тогда же, как с Кирсановыми и Бьюмонтами, на этом пикнике, бывшем в конце нынешней зимы?

— Совершенная правда, — отвечаю я.

— Так что ж такое? Вы начинаете рассказывать о 1865 годе?

— Так.

— Да можно ли это, помилуйте!

— Почему ж нельзя, если я знаю?

— Полноте, кто же станет вас слушать!

— Неужели вам не угодно?

— За кого вы меня принимаете? — Конечно, нет.

— Если вам теперь не угодно слушать, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до того времени, когда вам угодно будет его слушать. Надеюсь дождаться этого довольно скоро».

Тогдашний читатель умел читать между строк. Он понимал, что речь идет о грядущей революции. А где революция, там и революционеры, или, выражаясь словами Чернышевского, «особенные люди».

Рахметов сразу же привлек к себе внимание всех читателей. Он, по-видимому, принадлежал к соционическому типу FL (СЛЭ). За *иррациональность* говорит частая смена рода деятельности, за *волевою сенсорику*

(F) — занятия спортом и физическим трудом и, особенно, опыт сна на гвоздях. Можно предположить, что он проверял на себе, выдержит ли Петропавловскую крепость или другие тюрьмы.

Характер чтения свидетельствует об *иррациональности* и *структурной логике* (L).

Рахметов обратился к Кирсанову за советом, что ему читать (ES (ЭСЭ) — *подказанный*

для FL (СЛЭ)), и читал несколько дней подряд, пока не свалился от усталости, что свидетельствует о его *иррациональности*

. С другой стороны, книга для него средство, а не источник удовольствия, что говорит о *структурной логике*

(L). Для него главное — это понять основное, мелочи можно додумать потом.

Этика отношений (R) у него слаба, поэтому с родными он рассорился, а с другими людьми разговаривает только о делах.

Белая сенсорика (S) — игнорируемая (7 я в модели А) функция. Он живет на 400 рублей в год, не отказывая себе только в дорогом табаке, а в еде придерживается строгих правил: он ест только то, что простой народ. В этом проявляется его структурная логика (L).

В разговоре с Верой Павловной сказывается ролевая (3 я в модели А) интуиция возможностей (I).
Последняя выражается в просчете ситуации и интересе к такому новому делу, как мастерская Веры Павловны.

И все-таки из этого романа трудно понять, о чем думали и как действовали «особенные люди» в эпоху реформ Александра II. Например, как вам такой диалог между Рахметовым и автором романа:

«Он пришел и, точно так же без околичностей, приступил к делу, по которому нашел нужным познакомиться. Мы потолковали с полчаса; о чем толковали, это все равно: довольно того, что он говорил: “надобно”, я говорил: “нет”; он говорил: “вы обязаны”, я говорил: “нисколько”. Через полчаса он сказал: “Ясно, что продолжать бесполезно. Ведь вы убеждены, что я человек, заслуживающий безусловного доверия?” — “Да, мне сказали это все, и я сам теперь вижу”. — “И все-таки остаетесь при своем?” — “Остаюсь”. — “Знаете вы, что из этого следует? То, что вы или лжец, или дрянь!” Как это понравится? Что надобно было бы сделать с другим человеком за такие слова? Вызвать на дуэль? Но он говорит таким тоном, без всякого личного чувства, будто историк, судящий холодно не для обиды, а для истины, и сам был так странен, что смешно было бы обижаться, и я только мог засмеяться: “Да ведь это одно и то же”, — сказал я. — “В настоящем случае не одно и то же”. — “Ну, так, может быть, я то и другое вместе”. — “В настоящем случае то и другое вместе невозможно. Но одно из двух — непременно: или вы думаете и делаете не то, что говорите: в таком случае вы лжец; или вы думаете и делаете действительно то, что говорите: в таком случае вы дрянь. Одно из двух непременно. Я полагаю, первое”. — “Как вам угодно, так и думайте”, — сказал я, продолжая смеяться. — “Прощайте. Но во всяком случае, знайте, что я сохраню доверие к вам и готов возобновить наш разговор, когда вам будет угодно”.

При всей дикости этого случая Рахметов был совершенно прав: и в том, что начал так, потому что ведь он прежде хорошо узнал обо мне и только тогда уже начал дело, и в том, что так кончил разговор; я действительно говорил ему не то, что думал, и он, действительно, имел право назвать меня лжецом, и это нисколько не могло быть обидно, даже щекотливо для меня “в настоящем случае”, по его выражению, потому что такой был случай, и он, действительно, мог сохранять ко мне прежнее доверие и, пожалуй, уважение».

Не знаю, как тогдашние читатели, а я ничего не поняла: что значит, «*либо лжец, либо дрянь*», почему назвать человека лжецом не обидно, и вообще, о чем речь?

Много позже я прочитала роман «Пролог», написанный Н. Г. Чернышевским в ссылке, где он уже не был связан цензурными рамками. Там я нашла «расшифровку» этого разговора и многое другое, что позволило мне получить некоторое представление о русских революционерах. Думаю, что соционический анализ героев этого романа был бы полезен уже потому, что его мало кто читал. Нельзя же судить о революционерах только по «Бесам» Ф. М. Достоевского. Это несправедливо и просто неправильно с исторической точки зрения.

Я начала статью цитатой из книги Набокова «Дар» и в завершение приведу еще одну: «*...мысль, что расчет — основа всякого поступка (или подвига), приводит к абсурду: сам по себе расчет бывает героический! Всякая вещь, попадая в фокус человеческого мышления, одухотворяется. Так облагородился “расчет” материалистов; так материя у лучших знатоков ее обращается в бесплотную игру таинственных сил*».

Автор – Инна Блашко

Литература:

1. Стратиевская В. И. Как сделать, чтобы мы не расставались. Руководство по поиску спутника жизни (соционика). — М.: Издательский дом МСП, 1997. — 146 с.

2. Удалова Е. А. Уроки соционики-2, или Секреты наших отношений. — М., 2007. — 266 с.

3. *Филатова Е. С.* Личность в зеркале соционике: Разгадка тайн двойников. — СПб.: Б&К, 2001. — 286 с.